МАРК ВЕТРОВ

КАК МЫ ПОТЕРЯЛИ ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ

Марк Ветров

Как мы потеряли человечность

https://litres.ru/74718634
SelfPub; 2026

Аннотация

Отец оставил Илье не наследство, а термометр и записку: «Если увидишь 36,6 — не успокаивайся». Илья четырнадцать лет чистит старые плёнки и умеет слышать склейки, повторы и фальшивые паузы. Когда микробиолог Лея Арсеньева показывает ему снимок лабораторного монитора, сделанный через девять дней после смерти отца, он понимает: архивист Павел Данилов унёс в Рим больше, чем тайну рукописей.

В холодной камере из вентиляции звучит голос отца. Идеальный, если не считать одного слова, которого он никогда не произносил.

Древняя сеть учится говорить голосами тех, по кому мы скучаем. Тайный совет «Хранителей» веками выбирал молчание. Двенадцатилетняя девочка умеет сказать этой сети «нет». У Ильи, Леи и монаха-реставратора Рафаэля меньше суток, чтобы добраться до подвала римского архива и решить, где кончается защита человечества и начинается отказ видеть человека в другом.

Научная фантастика о страхе, памяти и голосах, которым хочется верить. 16+.

Содержание

Пролог. Первый костёр 5
Глава первая. Тридцать шесть и шесть 8
Глава вторая. Гипотеза 13
Глава третья. Цинк 18
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Марк Ветров
Как мы потеряли человечность

Как мы потеряли человечность

Марк Ветров

Научно-фантастическая повесть

У этой истории есть несколько реальных отправных точек. Большинству грибов трудно расти при температуре тела млекопитающих; есть и исключения. Гипотеза о том, что психоактивные грибы определили эволюцию человеческого сознания, не доказана. Всё остальное — пришельцы, архивы и события повести — вымысел.

Пролог. Первый костёр

Огонь умирал, а женщина всё смотрела на другого человека.

Он лежал по ту сторону костра, подтянув колени к груди, и улыбался во сне. Она знала его с тех пор, как он научился ходить. Видела его злым, голодным, перепуганным. Такой улыбки на этом лице она не видела никогда.

Весь день он не говорил. Когда охотники вернулись с реки и бросили на камни двух тощих гусей, он не встал за своей долей. Он сидел у упавшего дерева, где вывернутые бурей корни ещё держали ком чёрной земли, и отковыривал от них белый нарост, мягкий, влажный, пахнущий сыростью и чем-то сладким. Сначала поднёс его к лицу. Потом положил на язык. Жевал долго, глядя на свои пальцы, и поворачивал их к свету, словно видел впервые.

Теперь из его рта выходили слова, которых прежде не было в их языке. Он называл камень водой, воду — дорогой, а звёзды — домом. Иногда его голос делался старше его самого.

Женщина подняла обгорелую ветку и передвинула её ближе к нему. Он вздрогнул. Не просыпаясь, отодвинулся от жара.

Она видела это и ничего не сказала. Остальные спали, завернувшись в шкуры. За пещерой кричала ночная птица, и

каждый раз, когда она замолкала, спящий вздыхал, будто тоже прислушивался.

Утром мужчина вспомнил всё: реку, стадо, имя дочери. Он рассказывал о вчерашней охоте, смеялся над собственным промахом, и женщина почти поверила, что ночь ей приснилась. Только в середине рассказа он вдруг произнёс чужим, спокойным голосом:

— Когда вы перестанете греться, мы сможем войти.

Потом моргнул, замолчал и спросил, почему на него все смотрят.

Женщина смотрела на него долго. Потом собрала сухую траву и не давала костру погаснуть до следующего рассвета.

На стене пещеры она нарисовала ладонь охрой, которую берегли для охотничьих знаков. Внутри ладони — огонь. Вокруг — тонкие белые нити.

Через много тысяч лет люди примут этот рисунок за изображение солнца.

Люди из соседней долины пришли с копьями на третью ночь. Они видели, как охотник улыбался в одиночестве и отвечал пустому воздуху. Решили, что всё племя стало таким. Женщина пыталась остановить их, но первого человека убили у входа в пещеру. Тогда остальные выбежали из темноты, и загорелась трава.

Утром в долине не осталось ни одного общего костра. Те, кто выжил, разделились на маленькие группы и боялись идти друг к другу за водой. Белые нити в обгоревшем дереве

никто не заметил.

Это была первая война, которую пришедшие выиграли, даже не умея держать оружие.

Глава первая. Тридцать шесть и шесть

Отец оставил мне не наследство, а термометр.

Старый, стеклянный, в пластмассовом футляре с отломанной защёлкой. Его принесла курьерша из нотариальной конторы: девчонка в наушниках, которая дважды переспросила, как пишется моя фамилия, и ушла, не дождавшись, пока я распишусь повторно. В картонной коробке под термометром лежали два листка в клетку с ровным почерком отца и ключ с латунной биркой: «Московский вокзал, камера хранения, ячейка 214».

На первом листке было написано: «Если увидишь 36,6 — не успокаивайся». На втором: «Спроси у них, почему они боятся тепла».

Я разозлился. Отец исчез на одиннадцать лет, а вернулся посмертно очередной загадкой. При жизни он работал с древними рукописями. Мог целый час рассказывать о чернилах, которыми монах переписал чужую молитву, и не ответить, почему не приехал ко мне на день рождения.

Я положил термометр на кухонный стол, открыл ноутбук и попытался написать некролог.

Писать не моё ремесло. Моё ремесло — чужие голоса. Четырнадцать лет я работаю в радиоархиве: чищу от шипения,

щелчков и склеек старые плёнки, на которых давно умершие люди читают сводки погоды и поздравляют районы с окончанием посевной. Я знаю, как на экране выглядит вдох. Отличаю настоящую паузу от вырезанной. Живой человек не кашляет одинаково дважды: если на звуковой дорожке два одинаковых кашля, значит, кто-то работал ножницами. С мёртвыми голосами я управляюсь лучше, чем с живыми, и, наверное, поэтому за целый вечер у меня получилось всего одно предложение: «Архивист Павел Данилов умер в Риме в возрасте шестидесяти двух лет».

Дальше не шло. Ни причины смерти, ни объяснения, зачем его тело доставили в Петербург в запаянном цинковом контейнере. В сопроводительных документах значилось: «Инфекционный протокол». На мои вопросы консульство отвечало одинаково вежливо и одинаково пусто, как автоответчик, которому велели быть любезным. Контейнер стоял в холодильной камере при городском бюро ритуальных услуг. Вскрывать его запрещалось, пока какая-то комиссия не подпишет какую-то бумагу. Когда она соберётся, никто не знал.

Около одиннадцати я заварил чай и забыл его выпить. За окном шёл дождь, такой мелкий, что его было видно только в свете фонарей, где он превращался в туман. Соседи сверху двигали мебель. Холодильник включился, прогудел и затих. Я смотрел на одну строчку на экране и думал, что у человека, которого я почти не знал, было больше прав на моё молчание, чем у меня самого.

Поздно вечером раздался звонок в дверь. На пороге стояла женщина в мокром пуховике. Она не поздоровалась.

Ей было лет сорок пять. Короткие тёмные волосы, заколотые карандашом, руки в красных пятнах от дезинфекции, на ботинках серая городская грязь. Такие лица бывают у людей, которые давно не высыпались и давно к этому привыкли.

— Вы вскрывали коробку?

— Вы кто?

— Лея Арсеньева. Я работала с вашим отцом. Покажите термометр.

Я бы захлопнул дверь, если бы она не произнесла ещё одну фразу:

— Перед отъездом в Рим Павел просил передать вам, что всё-таки был на вашей свадьбе. Стоял у входа и не решился подойти.

Мы развелись три года назад. Ни одной фотографии, ни одной записи с той свадьбы в открытом доступе не было. Я не рассказывал никому, что в тот день, пока гости толпились у крыльца с рисом и лепестками, я высматривал в толпе знакомую сутулую спину. И не нашёл.

Я впустил Лею.

Она не стала брать термометр в руки. Достала из кармана тонкие перчатки, натянула их, осмотрела футляр на свет настольной лампы и вытащила из-под бумажной подкладки полоску плёнки. Я прожил в этой квартире шесть лет, а футляр держал в руках целый вечер и ничего не заметил. На

плёнке едва виднелся контур грибницы, словно кто-то проявил микрофотографию в темноте.

— Почему он написал про температуру? — спросил я.

Лея посмотрела на мои руки. Я только тогда понял, что сжимаю в ладони остывший чайный пакетик.

— Ваш отец хотел, чтобы вы начали с правильного вопроса. Не «что это такое», а «почему оно не живёт внутри нас постоянно».

Она открыла на телефоне снимки. Первый: каменная плита с изображением людей вокруг огня. Второй: рисунок, сделанный спустя тысячи лет на другом конце света. Третий: лист из европейской рукописи. На всех трёх тонкие ветви тянулись к спящему человеку и обрывались перед грудью.

— В природе таких форм полно, — сказал я.

— Да. А теперь посмотрите на дату четвёртого снимка.

На мониторе больничной лаборатории, сфотографированном издалека, значилось сегодняшнее число. В поле «пациент» было имя моего отца. В поле «температура» стояло 36,6. Снимок сделали через девять дней после его смерти.

Я хотел сказать, что это ошибка системы. Лея опередила меня:

— Там измеряли не его тело. Культуру, выделенную из ткани. При этой температуре она почти не росла. При тридцати трёх начала повторять рисунок с плёнки.

За окном прогудел автобус. В квартире стало неожиданно тихо, как бывает в студии, когда выключают все микрофоны,

кроме одного.

— Значит, это инфекция?

— Я пока не знаю, как назвать то, что повторяет рисунок, которого никогда не видело.

Она достала из внутреннего кармана маленький блокнот. На обложке почерком отца было выведено моё имя, полностью, с отчеством, как пишут в официальных бумагах. Внутри была всего одна строка: «Мы выиграли борьбу за тело и проигрываем борьбу за то, что называем собой».

Я перечитывал её, пока Лея надевала пуховик.

— Завтра в десять, лаборатория. Адрес на обороте. — Она остановилась у двери и кивнула на ноутбук с единственной строчкой. — И не заканчивайте некролог, пока не поймёте, что именно хороните.

Когда дверь закрылась, я долго сидел за столом. Потом взял термометр, стряхнул столбик, как делала мать, когда я болел в детстве, и сунул его под мышку. Это было глупо. Я ждал десять минут, глядя в тёмное окно, где отражалась кухонная лампа и человек за столом, слишком спокойный для человека, которому только что сказали про мёртвого отца и чужую плёнку.

Ртутный столбик остановился на 36,6.

Я смотрел на него и пытался понять, что полагается чувствовать, когда у тебя всё в порядке.

Глава вторая. Гипотеза

На следующий день Лея показала мне лабораторию. Обычную университетскую комнату на третьем этаже старого корпуса: усталый холодильник, лампа над столом, растение в треснувшем горшке, которое давно забыли полить. В воздухе пахло спиртом и тёплой пылью, в углу ровно гудели два инкубатора с наклейками, на которых от руки были написаны даты. Из коридора доносились голоса студентов, спешивших на пару. Сюда никто не заглядывал.

Именно там мне впервые захотелось поверить в её слова. Конец света редко выглядит как конец света, когда на полу стоят бахилы.

Лея налила мне чай в мерную колбу, потому что чашек в лаборатории не нашлось, и поставила передо мной две распечатки. На одной был график роста нескольких видов земных грибов при разных температурах. Кривые у всех шли одинаково: плавный подъём до двадцати пяти или тридцати градусов и почти отвесное падение там, где у человека начинается нормальная жизнь. На другой лежал старый эскиз отца: человеческий череп и дерево, а между ними множество тонких нитей, проведённых так быстро, что карандаш местами порвал бумагу.

— Наш организм действительно мешает многим грибам прижиться, — сказала она. — Но температура только часть

защиты. И некоторые грибы прекрасно существуют в нас или вызывают болезни. Запомните это, иначе остальное превратится в дешёвую сенсацию.

— Остальное уже выглядит как дешёвая сенсация.

— Тогда можете уйти.

Я остался.

Лея села на край стола и заговорила медленнее, будто объясняла студенту первого курса.

— Есть старая мысль: тёплая кровь у млекопитающих отчасти плата за защиту от грибов. Чем выше температура тела, тем меньше видов способны в нас расти. Поэтому у лягушек и многих рептилий с грибами хуже, чем у нас. Но стена из тепла не бесконечна. Лет пятнадцать назад один дрожжевой гриб почти одновременно появился на трёх континентах и научился жить при тридцати семи градусах. Больницы до сих пор не знают, как с ним воевать. Это не конец света. Это обычная эволюция. Но она показывает: то, что мы считаем крепостной стеной, всего лишь высокий порог.

Она рассказала о гипотезе «обезьяны под грибами», которую отец изучал не как объяснение эволюции, а как след древнего человеческого страха. Согласно популярной версии, наши предки съели психоактивные грибы, и это якобы ускорило развитие сознания. Доказательств такому скачку нет. Но Павел Данилов искал другое: почему в преданиях разных народов встречались одни и те же сюжеты о даре речи, полученном вместе с чужим голосом.

— Совпадение? — спросил я.

— Возможно. Люди всегда рассказывают похожие истории. Поэтому ваш отец собирал не легенды, а ошибки переписчиков. Там, где писец не понимал слово, он иногда рисовал то, что видел в оригинале. Удивительно часто это были разветвлённые нити.

Я понимал это лучше, чем мне хотелось бы. Копиист выдаёт себя ошибками. По ним видно, с какой плёнки он копировал, на каком магнитофоне и в каком месте у него дрогнула рука. Оригинала можно не видеть вовсе. Достаточно знать, как портится копия.

На экране появилась рукопись. По полю страницы шёл крошечный рисунок: человек держал ладонь над пламенем, а за спиной у него поднималась белая ветвь. Тушь выцвела до цвета чая. На следующем листе другой писец исправил ветвь на дерево, аккуратно и уверенно, как правят опечатку, о которой стыдно упоминать.

— Где оригинал?

— В архиве, к которому нас не пустят.

— Ватикан?

Лея кивнула.

Я почти рассмеялся. Недоставало только масонов и тайного правительства. Лея спокойно выслушала меня, не меняя выражения лица, потом достала из папки письмо отца. Он писал коротко, без обращения, как человек, который привык, что его читают через плечо. Под хранилищем об-

наружен образец породы, которой нет ни в одном земном каталоге. Внутри камня находятся споры, сохранившие способность к росту. Сверху, красным, чужой рукой: «Никаких публичных заключений до совещания Хранителей».

— «Хранители» звучит как кружок любителей заговоров, — сказал я.

— Так они и хотели. Неловкое название помогает прятать реальные решения в смехе тех, кто о них услышит.

Она провела пальцем по другой странице. Чёрно-белая фотография мужчины с ожогом на шее. Подпись: «Эпизод 1968 года. Контакт прерван лихорадкой». Ниже, машинописью: «Субъект сообщал о присутствии второго наблюдателя внутри собственных воспоминаний».

Я спросил, не мог ли он быть просто болен и бредить. Лея ответила, что мог. Это первое, что должен был подумать каждый, и отец тоже подумал об этом первым. Потом она показала три рисунка того же человека, сделанные в разные дни, когда его держали в закрытой палате и никакого образца к нему не подпускали. На всех был один и тот же узор спор, вплоть до надломленной ветви в правом нижнем углу.

Я долго смотрел на надлом. Когда я чищу склейки на старой плёнке, ломаются они всегда в одном и том же месте. Именно поэтому я и понимаю, что это не случайность.

— Одна и та же ошибка, — сказал я вслух.

— Одна и та же ошибка, — согласилась Лея. — Вот почему ваш отец перестал считать это легендой.

В день, когда отец умер в Риме, к вечеру лаборатория получила уведомление о закрытии проекта. Через час кто-то стёр удалённую копию его записей. Лея показала мне журнал доступа: строчка о том, что удаление выполнил сотрудник, чья учётная запись числилась отключённой ещё в прошлом году.

— Он записал всё не в компьютер, — сказала она. — И оставил вам ключ.

Я вспомнил латунную бирку и сложил две вещи, о которых до этой минуты старался не думать вместе. Отец не приехал ни на один мой день рождения, но в последние месяцы жизни собрал всё, что умел собрать, в одну коробку, и адресовал её мне.

Лея ждала. На подоконнике дрожал забытый горшок, и от этого дрожала вода в мерной колбе.

— Хорошо, — сказал я. — Поехали за тем, что он оставил.

— Не сегодня. Сегодня вы собирались поехать в другое место. Я видела, как вы смотрели на строчку про цинковый контейнер.

Я не знал, что это заметно со стороны.

Глава третья. Цинк

Бюро ритуальных услуг занимало первый этаж жилого дома на окраине, между аптекой и магазином разливного пива. Вывеска была в трёх цветах и обещала проводить усопших «достойно». Мы приехали к закрытию, когда дождь уже перестал, а асфальт ещё блестел, и в окнах соседних квартир зажигался свет.

Лея сказала, что пойдёт со мной, и добавила:

— Ничего не трогайте голыми руками.

— Я не собираюсь его открывать.

— Я знаю. Но вы всё равно захотите дотронуться.

Дежурил человек в зелёном халате поверх шерстяного свитера, с бумажной книжкой в одной руке и пластиковой кружкой в другой. Все звали его Семёнычем. Он выслушал мою фамилию, пролистал журнал и сказал, что по протоколу никто не имеет права подходить к контейнеру ближе чем на три метра.

— А если очень надо? — спросил я.

Семёныч посмотрел на книжку, потом на Лею. Лея молча положила на стол купюру.

— Пять минут, — сказал он. — Без фотографий. И дверь не закрывайте, у нас замок с характером.

Холодильная камера оказалась обычным подвалом с металлическими стеллажами и компрессором, который гудел

так, что вибрировали зубы. На полках лежали завёрнутые в простыни и плёнку люди, чьих родственников комиссия тоже ещё не собралась пустить к ним. Отца я узнал сразу, хотя видел только ящик. Он стоял отдельно: серый цинковый контейнер с заваренным швом и бирками на трёх языках. По крышке медленно ползла капля конденсата и оставляла за собой тёмную дорожку.

Я подошёл на расстояние вытянутой руки и остановился. Лея осталась у двери.

Не знаю, что говорят человеку, который уместился в цинковом ящике. Я сказал «здравствуй», негромко и глупо, как говорят в пустой квартире, когда возвращаются. Компрессор гудел. С потолка в дальнем углу капало, и звук был похож на метроном, которому надоело отсчитывать время.

Потом над моей головой, из вентиляционной решётки, кто-то кашлянул.

Сухо, коротко, с хрипотцой на конце. Так кашлял отец, когда засиживался над рукописями до утра: я слышал этот кашель сквозь стену детской, пока мать не выучила меня засыпать, не прислушиваясь. Я узнал бы его в любой толпе, в любой записи, под любым слоем шума.

Я не обернулся. Начал считать про себя, не знаю зачем. На двенадцатой секунде кашель повторился.

Тот же. До последней хрипотцы. До той крошечной запинки в начале, когда воздух ещё не решил, пойдёт ли вперёд.

Живой человек не кашляет одинаково дважды.

— Лея, — сказал я тихо. — Это запись.

— Где динамик?

— Нет динамика.

Мы оба посмотрели на решётку. Обычная, крашенная белой краской, забитая пылью. Ни проводов, ни коробочки, ни красной точки. Только тонкая белая нить, которая тянулась из щели к лампе и казалась тоньше волоса. Я не уверен, что она там была. Свет в камере дрожал.

— Илюша, — позвал голос.

Он был тёплый. Усталый, с ровным дыханием в паузах, с той особенной картавинкой на «р», которую отец всю жизнь пытался исправить и так и не исправил. Его голос. Я не слышал его одиннадцать лет, и у меня подкосились колени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.